
Н.Н. Наседкин

Ратазяев

Персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», сосед Девушкина, чиновник, у которого «сочинительские вечера» бывают и которого наивный Макар Алексеевич почитает за великого писателя. Больше того, по мнению Девушкина, «Ратазяев прекрасного поведения и потому превосходный писатель, не то что другие писатели...» Кредо этого «сочинителя»: «Что, батюшка, честь, когда нечего есть; деньги, батюшка, деньги главное...» Пародийные краски ярко блистают в этом портрете: «Ратазяев-то смекает, — дока; сам пишет, ух как пишет! Перо такое бойкое и слогу пропасть... Объядение, а не литература!..» Тем и драгоценны простодушные свидетельства Девушкина, что между этими от сердца идущими дифирамбами проскальзывают сведения, рисующие подноготную Ратазяева. Он, доведя Макара Алексеевича до восторга, в полной мере эксплуатирует его в качестве переписчика. Совершенно проясняется уже в панегириках Девушкина материальный интерес, на котором зиждется «творчество» Ратазяева. Более того, как только была затронута тема денег, так и проскочило у Макара Алексеевича драгоценное словцо о Ратазяеве: «Увертливый, право, такой!..» Ну и, наконец, действительно феноменальная фантазия, а попросту говоря — талант к вранью, раскрывается здесь же. Ведь стоит только представить себе, как он стоял перед Девушкиным и, не моргнув глазом, заявлял, что за тетрадку стишков «пять тысяч дают ему, да он не берет...» Чтобы составить мнение о творческом лице Ратазяева и о его «таланте», стоит вспомнить лишь небольшой отрывочек из его «Итальянских страстей»:

«Владимир вздрогнул, и страсти бешено заклокотали в нем, и кровь вскипела...

— Графиня, — вскричал он, — графиня! Знаете ли вы, как ужасна эта страсть, как беспредельно это безумие? Нет, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бешено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальет бешеного, клокочущего восторга души моей! Ничтожные препятствия не остановят взрывающегося, адского огня, бороздящего мою истомленную грудь. О Зинаида, Зинаида!..

— Владимир!.. — прошептала графиня вне себя, склоняясь к нему на плечо...

— Зинаида! — вскричал восторженный Смельский. Из груди его испарился вздох. Пожар вспыхнул ярким пламенем на алтаре любви и взбороздил грудь несчастных страдальцев.

— Владимир!.. — шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели...

Новый ужасный брак был совершен!..»

Восторг Макара Алексеевича на этом не остыл. Далее в совершенном восхищении он выписывает Варю Доброселовой еще и порядочный кусок из исторического опуса Ратазяева «Ермак и Зюлейка», и отрывок из «смехотворного» произведения «Знаете ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза?» В продукции Ратазяева проявляется характернейшая черта подобных строчкогонов — всеядность, отсутствие собственной темы и индивидуального почерка, подражательность и т. п. Здесь спародированы авторы псевдоисторических романов наподобие Ф. Булгарина и Н. Кукольника, эпигоны Н. Гоголя (да отчасти и стиль самого Гоголя), представители романтизма первой половины XIX века вроде А. Бестужева-Марлинского и других творческих направлений, чуждых Достоевскому. Притом Ратазяев совсем воспарил над землей и пишет Бог знает о чем, только не о текущей действительности, и эту черту Достоевский постоянно подчеркивал у подобных героев-сочинителей — Фомы Опискина, Кармазинова и пр.

Во многом сюжетная линия в «Бедных людях», связанная с образом Ратазяева, и позволила Белинскому высказать суждение о Достоевском, которое впоследствии воспринималось и воспринимается многими до сих пор, как крайне парадоксальное:

«...преобладающий характер его таланта — юмор. <...> Смешить и глубоко потрясать душу читателя в одно и то же время, заставить его улыбаться сквозь слезы, — какое умение, какой талант!...»